

о собственном здоровье, принимать своевременные меры по его сохранению, укреплению и восстановлению. Соответственно, соблюдение мер противоковидной профилактики, правильное ношение маски, мытье и дезинфекция рук перестает быть только его личным выбором, требует ответственного отношения. Такое поведение выражает уважение к интересам других членов общества, которые могут заболеть, и к интересам медиков, уменьшая их нагрузку.

Естественно, что в условиях угрозы жизни пациенты в большей мере склонны «выполнять рекомендации медицинских работников, необходимые для реализации избранной тактики лечения, сотрудничать с медицинскими работниками при оказании медицинской помощи» [4].

Правило, согласно которому необходимо сообщать медицинским работникам о наличии у себя заболеваний, представляющих опасность для здоровья окружающих, а также соблюдать меры предосторожности при контактах с другими лицами, становится совершенно безотлагательным. Также важным оказалось выполнение правил внутреннего распорядка медучреждений, установленных в период пандемии и направленных на предотвращение взаимодействия инфицированных и здоровых людей.

Наконец, бережное отношение к имуществу организации здравоохранения из вопроса о собственности переросло в вопрос о нравственности: не только аппараты ИВЛ, которые оказываются критически важными, но и другое медицинское оборудование и материалы необходимо расходовать по назначению, экономно, с учетом интересов других пациентов.

Таким образом, пандемия COVID-19 – это не только медицинская, но и нравственная проблема, актуализирующая наше понимание прав человека в целом и прав пациента, в частности. В данном контексте права пациента подверглись различным угрозам: приоритет был отдан защите интересов общества, а не отдельного человека; устанавливались жесткие насильственные ограничения без учета медицинских и культурных убеждений людей; право на полное и своевременное информирование столкнулось с манипуляциями статистикой заболеваемости и смертности от COVID-19; соотношение риска и пользы различных медицинских и социальных мероприятий не могло быть достоверно определено; в условиях распространения опасного инфекционного заболевания понизилось значение конфиденциальности и приватности как ценностей биомедицинской этики; пожилые люди подверглись дискриминации при сортировке пациентов; не всегда удавалось реализовать право умирающего на гуманное обращение и на достойную смерть; частные права пациента отступили по сравнению с главным правом человека на жизнь. Также пандемия с особой силой выявила значимость обязанностей пациента, предписывающих самому заботиться о своем и коллективном здоровье, проявлять сотрудничество и оказывать помощь медицинским работникам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декларация о политике в области обеспечения прав пациента в Европе [Электронный ресурс] // Samlib. – Режим доступа: http://samlib.ru/s/stonogin_s_w/europe.shtml. – Дата доступа: 04.04.2021.
2. Европейская хартия прав пациентов [Электронный ресурс] // Официальный сайт Стоматологической Ассоциации России. – Режим доступа: https://e-stomatology.ru/detstom/zakons/prilozenie_28.pdf. – Дата доступа: 04.04.2021.
3. Чернущ, Н. Ю. Особенности оказания онкологической помощи в условиях пандемии COVID-19: взгляд юриста и клинициста / Н. Ю. Чернущ, А. Г. Кедрова, С. Э. Красильников, О. И. Ивановский // Опухоли женской репродуктивной системы. – 2020. – № 1. – Т. 16. – С. 85–90.
4. О здравоохранении [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-XII // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=V19302435> Дата доступа: 04.04.2021.

НОРМОТВОРЧЕСТВО В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

NORM-SETTING IN EXTREME SITUATIONS

Е. А. Коваль¹, Н. В. Жадунова², А. А. Сычев²

E. A. Koval¹, N. V. Zhadunova², A. A. Sychev²

¹Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске

²Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Россия.

nwifesc@yandex.ru, zhadunovan@mail.ru, sychevaa@mail.ru

¹Middle-Volga Institute (branch) of Russian State University of Justice (MOJ Russia RPA) in Saransk

²Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

Пандемия обострила столкновение интересов различных акторов, ключевыми из которых являются личность, общество, государство и бизнес. Потребовался поиск точек соприкосновения между правами индивида и общественными интересами. С одной стороны, ограничения, адресованные индивидам, существенно

ущемляют их права. Санкции, которые реализуются через механизмы государственного принуждения, кажутся излишне строгими. С другой стороны, такой элемент общего блага, как общественное здоровье, в чрезвычайной ситуации не может быть защищен без новых и довольно жестких ограничений и запретов. Исследование посвящено поиску баланса между интересами личности и общества в условиях перехода чрезвычайных ситуаций в разряд обыденных.

The pandemic has exacerbated the clash of interests between various actors, including individual, society, government and business. It is necessary to balance the individual rights and public interest. On the one hand, restrictions addressed to individuals put significant limits to their rights. The sanctions that are implemented through the mechanisms of state coercion seem to be excessively strict. On the other hand, such an element of the common good as public health in an emergency situation cannot be protected without new and rather strict restrictions and prohibitions. The study is focused on the search of a balance between the interests of the individual and society in the context of the current transition of emergency situations into the category of normal ones.

Ключевые слова: нормотворчество, мораль, право, экстремальные ситуации, права человека, ограничение, самоограничения.

Keywords: norm-setting, morality, law, extreme situations, human right, limitations, self-limitation.

<https://doi.org/10.46646/SAKH-2021-1-61-64>

Ценностные и нормативные основания общества тесным образом связаны с концепцией прав человека, согласно которой фундаментальные интересы индивида являются приоритетными по отношению к интересам общества, науки, медицины. Универсальные моральные принципы свободы, уважения, сотрудничества, неприкосновенности личности, декларируемые на международном уровне как основа цивилизованного взаимодействия, обеспечиваются нормативно-правовыми механизмами, которые регламентируют все сферы общественных отношений. Этические ценности закрепляются в правах человека, формируя отношение к личности как конечной цели общественного развития. Однако, на практике защита прав человека, помимо нацеленности на создание условий для саморазвития и самореализации личности, приобретает догматический характер и выражается в системе категорических предписаний по поводу того, когда, как и чьи права должны быть защищены. Возникают этические коллизии, обусловленные противоречиями между свободой личности и социальной ответственностью, невозможностью обеспечить равенство в условиях дефицита ресурсов. Анализ нормативных коллизий, возникающих в ходе декларирования реализации прав человека, позволяет проблематизировать нормотворческую деятельность в условиях экстремальных ситуаций. При этом причиной многих проблем является индивидуалистическая ориентация концепции прав человека, что является основанием для ее критики со стороны защитников общественных интересов (религиозных, этнических, культурных групп и т.п.).

Проблематичность индивидуальных прав человека подчеркивается в исследованиях С. Бенхабиб, А. де Бенуа и других, которые указывают на важность надындивидуальных прав (коллективных, всеобщих). Так, С. Бенхабиб пишет о том, что всеобщие права человека стоят выше прав граждан и распространяются на всех, кто считается нравственным существом [3, с.155].

Идея прав человека активно критикуется многими религиозными организациями, которые предлагают ограничить светские «злоупотребления» ими. Так, в «Основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» отмечается, что крайности индивидуализма и коллективизма «не способны служить гармоничному устройению жизни общества. Они приводят к деградации личности, нравственному и правовому нигилизму, росту преступности, утрате гражданской активности, взаимному отчуждению людей» [4].

Современная биоэтика возникла на основе идеи Всеобщей декларации о правах человека и большая часть споров вокруг биоэтических проблем также восходит к конфликту между индивидуальными правами и интересами общества (проблемы эвтаназии, трансплантации, абортов, медицинских экспериментов).

Важным вызовами для концепции прав человека стали процессы миграции, вооруженные конфликты, экологические проблемы, трансформация гендерных отношений, которые явно демонстрируют, что у индивидуальных прав должны быть нормативные ограничения. Обострение этих проблем обусловлено прежде всего переходом современного общества от стадии нормального развития к так называемому обществу риска (У. Бек, Э. Гидденс, З. Бауман), где экстремальность превращается в норму.

В ряду чрезвычайных ситуаций современного общества риска пандемия COVID-19 стала наиболее показательной для понимания нормативных трансформаций. Борьба с пандемией и ее последствиями потребовала активного нормотворчества на различных уровнях социальной регуляции, прежде всего, в морали и праве.

Временные меры, принятые ради безопасности личности и общества в 2020 -2021 годах, привели к беспрецедентному ограничению прав и свобод. Так, например, многие государства установили ограничение свободы международных передвижений и перемещений между регионами внутри страны. Неоднократно нарушалось право на неприкосновенность частной жизни. Например, в России работодатели в некоторых регионах были обязаны информировать органы государственной власти и местного самоуправления о всех передвижениях своих сотрудников. Были введены ограничения на публичное обсуждение проблем, связанных с заболеваемостью COVID-19. Существенно было ограничено право на охрану здоровья, поскольку многие учреждения здравоохранения в период

пандемии были перепрофилированы для работы с больными коронавирусной инфекцией. Кроме того, далеко не всем этим больным из-за нехватки ресурсов была оказана полная и своевременная помощь.

Еще одной проблемой, вызванной к жизни пандемией COVID-19, оказалась необходимость оперативной разработки и испытания вакцин от коронавируса в короткие сроки. Фактически многие вакцины были зарегистрированы до завершения всех необходимых процедур испытания и проверки. В условиях пандемии обострилась моральная проблема, связанная с участием в медицинском эксперименте так называемых контрольных групп, получающих не вакцину, а плацебо. В результате в группе риска не только привитые, но и непривитые испытуемые. Стала более очевидной политическая и экономическая конъюнктура принятия решений, связанных с вакцинацией: с распределением вакцины регионам и странам, определением первоочередности ее получения гражданами, ценообразованием и доступностью.

Проблема дискриминации в обществе также вышла на новый уровень, что выразилось в том числе в необходимости документального подтверждения отсутствия болезни, наличия антител, факта вакцинации (прививочных сертификатов, справок, ковид-паспорта). Эти и другие меры объяснялись приоритетом общественной безопасности перед индивидуальными интересами, что противоречит духу концепции прав человека. Необходимость таких мер, как правило, объясняется их временным и чрезвычайным характером. Предполагается, что экстремальная ситуация дает основания для ограничения прав человека на короткое время с целью сохранения общественного здоровья, порядка и безопасности. Однако, все чаще подобнее временные меры становятся постоянными даже после того, как ситуацию удастся хотя бы частично урегулировать. Временные чрезвычайные меры фактически становятся элементами обычного правового режима. Сложившаяся ситуация подтверждает теоретические предположения К. Шмита, Дж. Агамбена о возникновении норм в чрезвычайных ситуациях. Так, Дж. Агамбен отмечает, что все чаще всем западным демократиям присуще стремление заменять объявление чрезвычайного положения беспрецедентным распространением парадигмы безопасности как обычной управленческой технологии [1, с. 25].

В качестве примера можно привести ситуацию с так называемым «пакетом Яровой»: перечнем норм, которые внесли в российское законодательство в целях противодействия терроризму. Эти нормы фактически сделали действия и частную жизнь граждан «прозрачными» для правоохранительных органов, которые вправе потребовать от операторов сотовой связи и интернет-провайдеров любые сведения, включая голосовой и текстовый трафик, хранящийся на серверах компаний в течение 6 месяцев.

Сегодня не существует никаких гарантий, что после завершения пандемии COVID-19, нормы, которые появились с целью регулирования чрезвычайной ситуации, будут отменены. Выдвигают предложения о том, чтобы требования носить медицинские маски, перчатки в общественных местах сделать постоянными вне зависимости от эпидемиологической ситуации. Вызывает опасения, что дистанционный режим обучения, введенный как чрезвычайная мера, превратится в норму, закрепленную на законодательном уровне. Например, уже с января 2021 года начали действовать новые нормы Трудового кодекса РФ, регулирующие дистанционный режим работы (поправки внесены Федеральным законом от 08.12.20 № 407-ФЗ) [5].

Следует отметить, что не только государство, но и общество способно ограничивать права индивидов и отдельных групп в чрезвычайной ситуации. Нередко это происходит в еще более жесткой форме по сравнению с системой государственных ограничений. Так, пандемия продемонстрировала распространенность дискриминационных и стигматизационных механизмов взаимодействия людей. В ходе исторического развития цивилизованные общества смогли нормативными средствами снизить уровень дискриминации на основании расы, пола, возраста, религиозных, политических, философских и иных убеждений. Однако ни одно общество не разучилось дискриминировать. Как только в ситуации пандемии возник подходящий повод для дискриминации (болен/не болен, привит/не привит, в маске/без маски), который еще нормативно не урегулирован, общество не преминуло им воспользоваться.

В этих условиях возрастает роль государства в нормативной регуляции поведения людей в контексте угроз общественной безопасности. Практика показывает, что в чрезвычайных ситуациях государство склонно делать выбор в пользу запретительного нормотворчества (появление новых составов административных правонарушений и преступлений, увеличение штрафов, дисциплинарные взыскания вплоть до увольнения за создание угрозы массового заражения, запрет на свободное перемещение, блокировка социальных карт и др.). То есть, с одной стороны, возникает избыточное нормотворчество, связанное с излишним количеством ограничений и запретов, для которых иногда нет объективных оснований. С другой стороны, в отдельных сферах (в частности, связанных с проблемами дискриминации), напротив, требуется нормативное регулирование, но оно по ряду политических, идеологических, экономических причин отсутствует. В связи с этим необходимо продумать механизмы перехода от политики избыточных ограничений к стимулированию самоограничений и самоконтроля.

Это, в свою очередь, предполагает объективное информирование населения об эпидемиологической ситуации, о рисках и преимуществах вакцинации, формирование ответственного отношения к ценности индивидуального и общественного здоровья, вовлечение в публичный дискурс всех заинтересованных сторон (государства, медицинского сообщества, населения, фармацевтических компаний).

Противоречие между интересами различных акторов, ключевыми из которых являются бизнес и государство, усиливались в последние десятилетия, а пандемия проявила и обострила эти противоречия. Сегодня, как никогда ранее, очевидно, что необходим поиск баланса между правами индивида и общественными интересами.

С одной стороны, ограничения, адресованные индивидам в экстремальной ситуации, существенно ущемляют их права, как индивидуальные, так и некоторые коллективные, а санкции, реализуемые через механизмы государственного принуждения, являются излишне строгими. С другой стороны, такой элемент общего блага, как общественное здоровье, в чрезвычайной ситуации не может быть защищен в полной мере без новых и довольно жестких ограничений и запретов, которые часть общества принимает добровольно и даже в некоторых случаях ожидает от государства еще более жестких и радикальных мер.

Признавая необходимость особой нормативной регуляции в экстремальной ситуации, следует отметить важность своевременной отмены временных ограничений и запретов и недопустимость их закрепления на постоянной основе. В законодательстве должен быть четко прописан временный характер запретов, нарушающих права человека и конкретных условий их отмены (требуется четкая операционализация формулировки «до исчезновения условий, оснований, причин», которые привели к появлению новых норм).

Экстремальные условия трансформируют не только правовые, но и моральные нормы. В чрезвычайных ситуациях по иному расставляются акценты в практиках проявления заботы, предосторожности, справедливости, ответственности. Так, например, в самолете при возникновении аварийной ситуации правила предписывают, чтобы взрослый надел кислородную маску сначала себя и только потом на ребенка. Хотя, в обычной ситуации такой поступок представляется неправильным с точки зрения морали, в экстремальной ситуации он является не только обоснованным, но и является единственно верным.

Подобным образом ситуация пандемии COVID-19 изменила практики справедливого распределения благ и рисков, заботы о здоровье окружающих, ухода за больными, групповых взаимодействий. Важно понимать, что поскольку нормы экстремальной этики также носят временный и ситуативный характер, они не должны универсализоваться и восприниматься как постоянные и неизменные. По мнению З. Баумана, безопасность и этика вполне совместимы, и человечеству необходимо «восстановить утраченный баланс между ценностью безопасности и нравственной пристойностью» [2, с. 175].

Совмещение требований справедливости и свобод, индивидуальной автономии и общественных интересов особенно сложно совместить в современном обществе риска, в котором экстремальность становится элементом повседневности. Если она окончательно превратится в обыденность, потребуются серьезные нормотворческие усилия для пересмотра концепции прав человека. В таком случае важно будет установить четкий баланс прав и обязанностей, когда система ограничений и запретов будет опираться на добровольность и ответственность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен Дж. Номо sacer. Чрезвычайное положение. М.: Изд-во «Европа». 2011. - 148 с.
2. Бауман З., Донскин Л. Моральная слепота. Утрата чувствительности в эпоху текучей современности. СПб. Изд-во И. Лимбаха. 2019. -368 с.
3. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру/ Пер. с англ.; под ред. В. И. Иноземцева. М.: Логос, 2003. - 350 с.
4. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. Электронный ресурс. URL.: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html>.
5. Федеральный закон от 08.12.2020 N 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях». Электронный ресурс. URL.: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/66245.html/>.

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ И СОЦИО-БИОЭТИЧЕСКАЯ ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТЬ К РАКУ МОЛОЧНОЙ ЖЕЛЕЗЫ У ЖЕНЩИН СЛАВЯНСКИХ И ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ ЭТНОСОВ

GENETIC AND SOCIO-BIOETHICAL ASPECTS OF BREAST CANCER PREDISPOSITION AMONG WOMEN OF SLAVIC AND CENTRAL ASIAN ETHNIC GROUPS

**С. Б. Мельнов, Т. В. Мишаткина, Е. В. Снытков
T. V. Mishatkina, S. B. Melnov, E. V. Snytkov**

*Белорусский государственный университет, МГЭИ им. А.Д. Сахарова БГУ,
г. Минск, Республика Беларусь
Belarusian State University, ISEI BSU, Minsk, Republic of Belarus*

Статья подготовлена по материалам выполнения совместного белорусско-узбекского двухгодичного научного проекта «Генетические и социо-биоэтические аспекты предрасположенности к раку молочной